

Жизнь городка писателей во все времена

К. Паустовский и Р. Фраерман на зимней рыбалке. 1940—1950 - е гг. © ГБУК г. Москвы «Музей К. Г. Паустовского». Инв. №: ФФ-5754. № в Госкаталоге: 36555253

«...В Ялте мы встретили с Луговским 1936 год.

В доме устроили маленькую ёлку, и все мы два-три дня с увлечением занимались тем, что её украшали.

Взрослые люди превратились в детей. Кто-то поехал в Никитский сад за огромными шишками канадской сосны, кому-то поручили достать «золотой дождь». Писатель Никандров выпросил у рыбаков барабульку, закопчённую по-черноморски (по его словам, это была «пицца богов»). Этих серебристо-коричневых рыбок Никандров связал за хвосты широкими веерами и в таком виде развесил на ёлке.

Луговской заведовал ёлочными свечами. Он ездил за ними в Севастополь, долго не возвращался, и мы уже впали в уныние, думая, что Луговской нас подведёт. Но за два часа до того, как надо было зажигать ёлку, по всему дому пронёсся крик: «Володя приехал!» Все ринулись в его комнату, и он, румяный от дорожного ветра, бережно вытащил из кармана маленькую картонную коробку с разноцветными витыми свечами.

— Можно, — сказал он, — написать чудный рассказ о том, как я нашёл эти свечи на Корабельной стороне. Клянусь тенью Христиана Андерсена.

И это, должно быть, было действительно так.

Сильнее всех из-за ёлки волновался Георгий Иванович Чулков — один из столпов символизма, изящнейший старик, похожий на композитора Листа...

Я раскрашивал гуашью флаги всех государств, в том числе и несуществующих, и делал из них гирлянды для ёлки. Если бы не Луговской, то ничего путного у меня бы не вышло. Он великолепно знал рисунки и цвета флагов всех государств, даже таких, как «карманная» республика Коста-Рика...

Новогодняя ночь прошла очень шумно. А наутро тусклый, как будто дремлющий солнечный свет стоял во всех комнатах, подчёркивая тишину. Луговской встал раньше всех и, свежий, чисто выбритый, озабоченно растапливал камин...

Цит. по: Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1983. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты / [Примеч. Л. Левицкого]. С. 501—502.

Я сижу в гостини книжного магазина «Дом писателя» за круглым столом и пытаюсь написать этот текст. Денис сказал: «без стрёмных штук и хтони». Define хтонь, конечно. За окном ничего хорошего: гниющая листва, грязный синтепон, который в Москве и МО выдают за небо с октября по апрель; какие-то случайно появляющиеся в начале декабря во вторник в Переделкине туристы. В общем, хтонь — а это Денис просил не писать.

В книжном, кстати, вполне себе: Наташа очень деятельная и потому припахалась разматывать гирлянду, используя меня в качестве крючка для одного её конца. Это гирлянда-штора, и я очень хочу посмотреть в глаза сотрудику, который в прошлом году складывал её в коробку в таком состоянии: так поступать просто не по-христиански. Я почему-то послушалась Наташу и держу руку на весу уже пятнадцать минут, хотя, вообще-то, весь день пытаюсь написать этот текст. Теперь моя скорость снизилась, ведь правая рука занята, и я печатаю двумя пальцами левой — нельзя печатать художественные тексты двумя пальцами, половина операции мозга на это уходит.

Рисунки Анастасии Лебедевой

дают мягкие сухие большие снежинки. Их можно взять на рукавичку и рассмотреть: совсем недавно мама рассказала, что одинаковых снежинок не бывает, и я с присущим юной исследовательнице упорством ищу подтверждений этой гипотезе. Интересно, сколько ещё лет нужно посвящать медитациям, чтобы добиться такого же вакуума? Бесшумности, когда единственный звук — это хруст свежего наста под неразношенными и оттого неудобными валенками. Скрип конька по неровному слою замёрзшего

про декабрьское выгорание и «отоспаться на каникулах». Что нас, собственно, и отде(а)ляет от чуда — так это само понятие взрослой жизни.

Тупое упорство, с которым я искусственным образом пытаюсь воссоздать себе несуществующий Новый год из детства, мешает настоящей новогодней. Маленькие моменты радости, например когда я откусываю первый кусочек штоллена, и сахарная пудра рассыпается по лонгсливу, а я, вместо того чтобы аккуратно стряхнуть её в раковину или куда там стряхивают крошки взрослые люди, наклоняюсь вбок, и она сама падает на пол снежными хлопьями. Или когда я сижу на «Ледяной синеве» в «а39», и у меня потеют ладони, и я вытягиваюсь вверх, и я не понимаю, как кто-то залез ко мне в голову и сделал всё так, как там устроено. Или когда мы с Полиной сидим в «Пушкине» и на последние деньги берём блины с икрой, потому что жизнь одна, а деньги потом заработаются. Или когда я в новогодней суете мечусь по вязаным носочкам, растираю замёрзшие мои ноги. Плотная тишина густеющих, как черносомородиновый кисель под бабушкиными помешиваниями, сумерок.

Наташа дёргает гирлянду, я дёргаюсь вместе с ней, чуть не улетаю со стула. Женя приносит мне стакан чая, я машинально пью его. Часы бьют пять и выхожу на холодный балкон прямо как заснула, в халате. Вдыхаю колючий воздух, выдыхаю гладкий белый пар. Улыбаюсь. Мне всё ещё надо дописать текст, но осталось совсем чуть-чуть. И потому это не хтонь, а вполне себе новогодняя.

Женя сидит на соседнем стуле и листает каталоги издательств, периодически вбрасывая в воздух вопрос типа «а „Гранатовый браслет“ можно считать новогодней книгой?». Женя в отчаянии и в закупках уже дня три, и ради её успокоения я уже готова согласиться на то, что «Бедная Лиза» — это рождественская сказка для дошкольников. «На Новый год хорошо берут новогодние книги», — говорит Женя. «Нужно что-то не хтоническое». Я оглядываюсь, мельком вижу вокруг себя биографии двух самоубийц и двух расстрелянных писателей. Я думаю предложить Жене «Мальчик у Христа на ёлке» Достоевского, но вовремя останавливаюсь. Ещё я думаю, что с такой погодой хтонь — это всё что угодно.

Мы бесконечно стремимся добиться ровно того же предновогоднего настроения, которое окружало нас в детстве, и оттого бесконечно разочарованы. Я помню прекрасное ощущение вакуума в голове, на которую пазливаю, который только что почистил дедушка. Его тёплые руки, пахнущие сигаретами «прима», делают шур-шур по вязаным носочкам, растирают замёрзшие мои ноги. Плотная тишина густеющих, как черносомородиновый кисель под бабушкиными помешиваниями, сумерок.

Я (мы?) бесконечно цепляюсь за атрибуты праздника — ёлка, огоньки, сельдь под шубой, игристое, сладкие подарки. Я очень люблю киндер, но купить себе новогодний подарок за 800 рублей выше моих сил и понимаюй. Но это тоже хтонь.

Я не помню, было ли мне хорошо в декабре, и если да, то когда? В пять? В десять? В пятнадцать уже точно нет. Почему я так держусь за концепцию чуда, таскаюсь по Москве, рассматривая гигантские павильоны в виде клубков пряжи и бог знает чего ещё? Я пытаюсь натренировать себя на новогоднее настроение, на волшебство, на сказку — а в интернете встречаю только бесконечные мемы

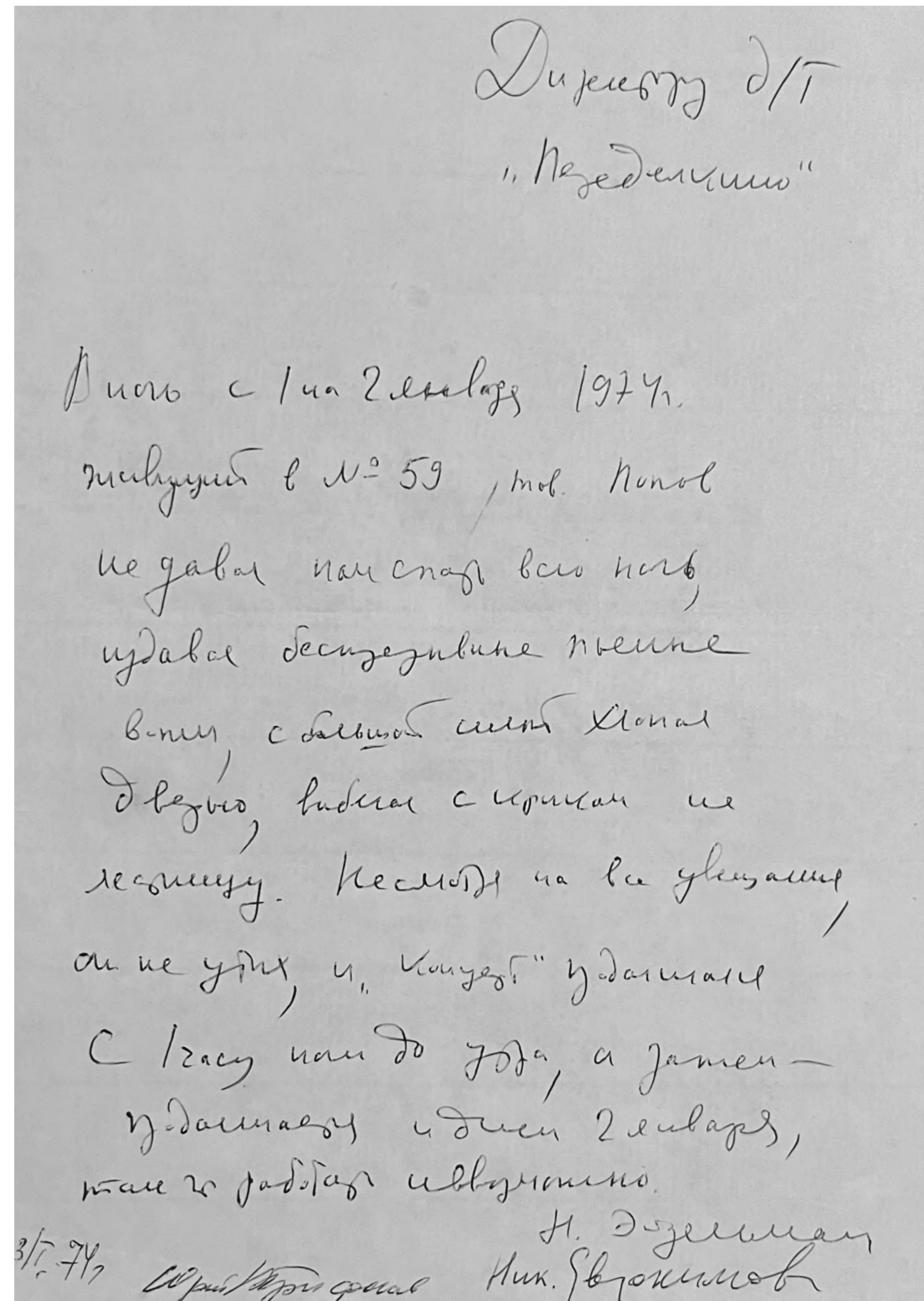
что они устали от компьютерного света. Я всё ещё пытаюсь дописать этот текст.

У Цветаевой есть в стихотворении такие строчки: «В декабре на заре было счастье, // Длилось — миг. // Настоящее, первое счастье. // Не из книг!» Новогодняя — это, несомненно, про миг счастья, про медитацию и осознанность, про умение жить в моменте и радоваться этому моменту. Но как же чертовски сложно это делать. Мне нужно написать текст про Новый год. Вам нужно [вставьте, что вам там нужно]. И ещё купить всем подарки — на какие шиши? И спланировать праздничные дни: не дай бог, случится FOMO, так весь год и просидите дома. И вдруг вы, как и я, одинокий тридцатилетний — тогда вам бы неплохо в кого-нибудь влюбиться, ведь правда? Может быть, на новогоднем корпоративе? Или вдруг вы, как и я, безработны — может быть, вам нужно завести какие-то полезные знакомства? Что значит быть? Вы ведь собираетесь ходить на пред- и постновогодние митапы, бук-клубы, падел-чемпионаты, спид-дейты? Что значит нет? Вы разве не собираетесь устраивать себе новогоднее настроение? Тут никаких заек и лужаек, сам сплоскаешь — никто не поможет!

Я ворочаюсь в одеялах, халатах, полотенцах, подушках, высовываю из этого всего нос, сразу же прикрываю его лапкой, как делают белые медведи. Внеодеяльная наружка всё ещё пугающе холодная. Дотягиваюсь всё же до телефона, Наташа спрашивает, ждать ли меня на ужине или ей попросить собрать с собой и отнести на ресепшен. «Медведикам зимой не нужна еда», — думаю я. Лапа и нос втягиваются обратно в берлогу.

Когда я просыпаюсь в Переделкине на следующее утро, за окном снег и светит слабое солнце. Я раскрываю плотные шторы и выхожу на холодный балкон прямо как заснула, в халате. Вдыхаю колючий воздух, выдыхаю гладкий белый пар. Улыбаюсь. Мне всё ещё надо дописать текст, но осталось совсем чуть-чуть. И потому это не хтонь, а вполне себе новогодняя.

Маша Константинова

Заявление

Директору [дома]/[творчества] «Переделкино»

В ночь с 1 на 2 января 1974 г. живущий в № 59 тов. Попов не давал нам спать всю ночь, издавал непрерывные пьяные вопли, с большой силой хлопал дверью, выбегал с криком на лестницу. Несмотря на все увещания, он не утих, и «концерт» продолжался. С 1 часу ночи до утра, а затем — продолжается и днём 2 января, так что работать невозможно.

3/1 74 г.

Юрий Трифонов, Н. Эйдельман, Ник. Евдокимов.

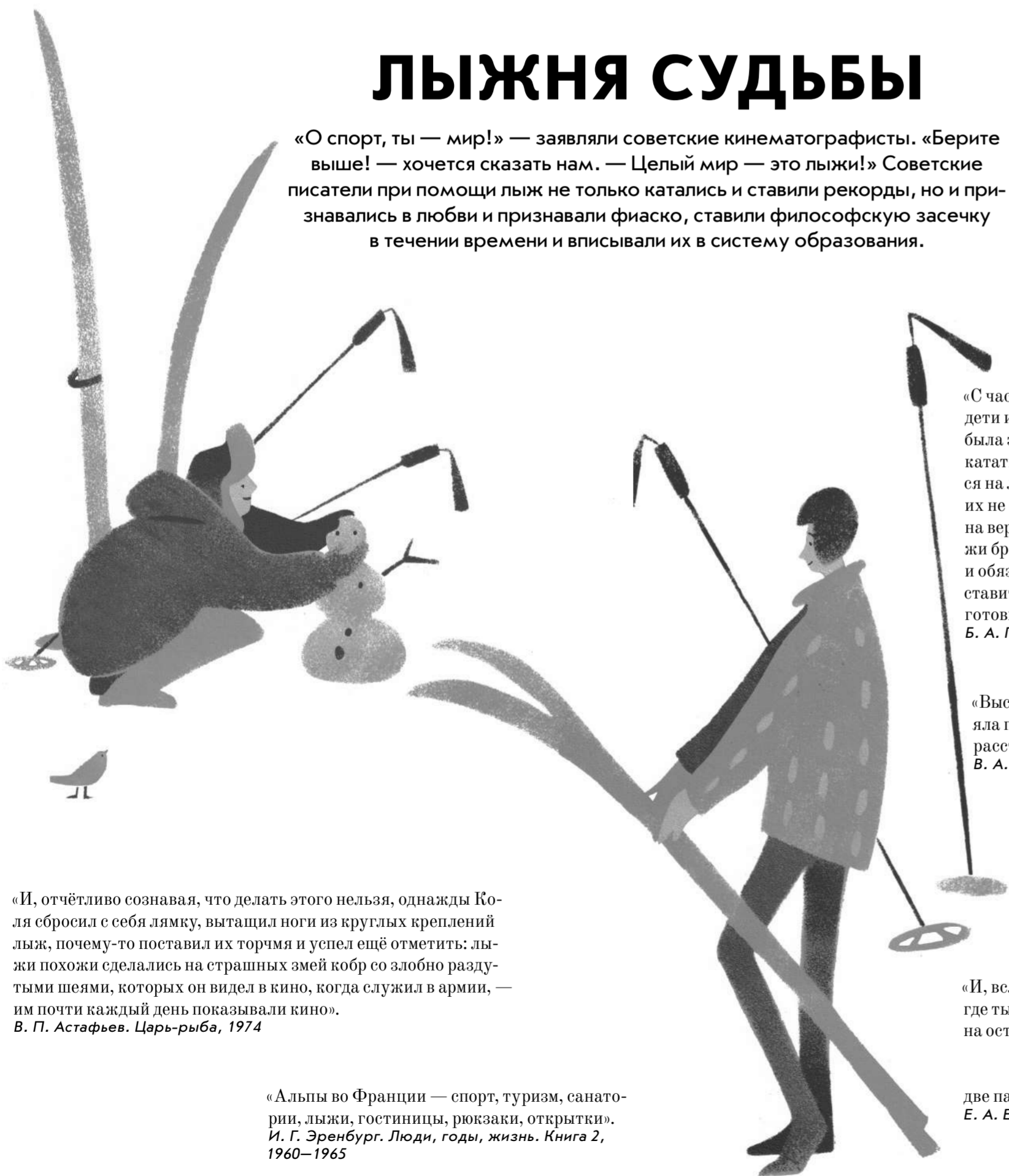

«Надо сделать паузу. Лыжи — это тоже здорово! Надо попросить у них горную экипировку, там есть склоны».
В. П. Аксёнов. *Таинственная страсть*, 2007

«Дальше продолжалось то же самое: лыжи, солнце, счастье, Erbbmiss».
Ю. В. Трифонов. *Опрокинутый дом*, 1980

ЛЫЖНЯ СУДЬБЫ

«О спорт, ты — мир!» — заявляли советские кинематографисты. «Берите выше! — хочется сказать нам. — Целый мир — это лыжи!» Советские писатели при помощи лыж не только катались и ставили рекорды, но и признавались в любви и признавали фиаско, ставили философскую засечку в течении времени и вписывали их в систему образования.

«И, отчётливо сознавая, что делать этого нельзя, однажды Коля сбросил с себя лямку, вытащил ноги из круглых креплений лыж, почему-то поставил их торчком и успел ещё отметить: лыжи похожи сделались на страшных змей кобр со злобно раздутыми шеями, которых он видел в кино, когда служил в армии, — им почти каждый день показывали кино».
В. П. Астафьев. *Царь-рыба*, 1974

«Альпы во Франции — спорт, туризм, санатории, лыжи, гостиницы, рюкзаки, открытки».
И. Г. Эренбург. *Люди, годы, жизнь. Книга 2*, 1960—1965

«С часа до трёх он шёл с детьми на реку, дети играли там в гуси и лебеди, — если была зима, он шёл с детьми на каток, иль кататься с горы на салазках, иль кататься на лыжах, — лыжи для всех, у кого их не было, Никита Сергеевич делал сам на верстаке у себя в кабинете, — лыжи брать мог любой, у кого их не было, и обязан был после катания, вытертыми, ставить их в коридоре, чтобы они были готовы для другого, некатавшего».
Б. А. Пильняк. *Соляной амбар*, 1937

«Высокая девочка в лыжном костюме стояла перед ним и смотрела, как он молча расстёгивал крепления и снимал лыжи».
В. А. Каверин. *Верлиока*, 1981

«И, вдушаясь чутко в бесконечность, где ты во сне губами шевелишь, на остриях поддерживают вечность две пары лыж».
Е. А. Евтушенко, 1981

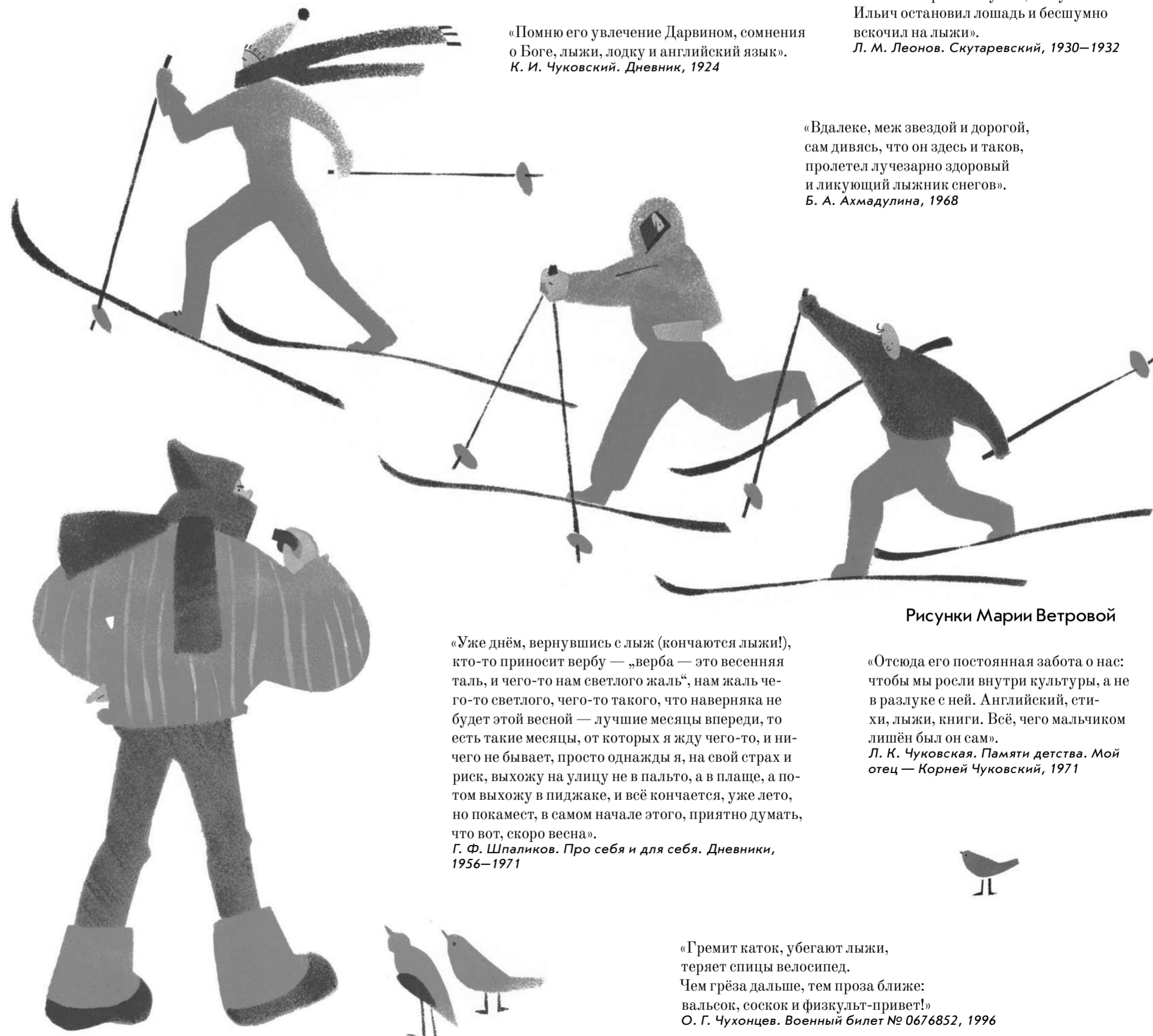
«— Из невыдержанного дерева, а тем более сырого, хорошие лыжи быть не могут, — спокойно сказал старик».
К. М. Симонов. *Живые и мёртвые*, 1955—1959

«Таня. Я наслезу у вас... И потом, лыжи...
Игнатов. Лыжи мы поставим в угол».
А. Н. Арбузов. *Таня*, 1938—1947

«Помню его увлечение Дарвином, сомнения о Боге, лыжи, лодку и английский язык».
К. И. Чуковский. *Дневник*, 1924

«Сергей Андрееч собрался было выругаться сообразно случаю, но тут Роман Ильич остановил лошадь и бесшумно вскочил на лыжи».
Л. М. Леонов. *Скутаревский*, 1930—1932

«Вдалеке, меж звездой и дорогой, сам дивясь, что он здесь и таков, пролетел лучезарно здоровый и ликующий лыжник снегов».
Б. А. Ахмадулина, 1968

Рисунки Марии Ветровой

«Уже днём, вернувшись с лыж (кончаются лыжи!), кто-то приносит вербу — „верба“ — это весенняя таль, и чего-то нам светлого жаль“, нам жаль чего-то светлого, чего-то такого, что наверняка не будет этой весной — лучшие месяцы впереди, то есть такие месяцы, от которых я жду чего-то, и ничего не бывает, просто однажды я, на свой страх и риск, выхожу на улицу не в пальто, а в плаще, а потом выхожу в пиджаке, и всё кончается, уже лето, но покамест, в самом начале этого, приятно думать, что вот, скоро весна».
Г. Ф. Шпаликов. *Про себя и для себя. Дневники*, 1956—1971

«Отсюда его постоянная забота о нас: чтобы мы росли внутри культуры, а не в разлуке с ней. Английский, стихи, лыжи, книги. Всё, чего мальчиком лишён был он сам».
Л. К. Чуковская. *Памяти детства. Мой отец — Корней Чуковский*, 1971

«Гремит каток, убегают лыжи, теряет спицы велосипед. Чем грёза дальше, тем проза ближе: вальсок, соскок и физкульт-привет!»
О. Г. Чухонцев. *Военный билет № 0676852*, 1996

ОТКОПАЙ И РАСКРАСЬ

Чтобы раздобыть, казалось бы, обыкновенную детскую раскраску прошлого века, мало того — просто узнать о её существовании, необходимо проделать непростой путь. Куратор и издатель Кирилл Маевский рассказывает об этом потерянном феномене отечественной графической культуры и о своих приключениях в поисках раскраски, образцы которой несомненно ещё и являются великолепными новогодними подарками.

«Зимой в лесу», художник Л. Гамбургер, издательство «Малыш», 1965

Е. Сурова, «Индийский праздник», художник Д. Хайкин, издательство «Малыш», 1966

Всё началось с альбома-раскраски «Я живу в Казани» Ирины Колмогорцевой: случайно увиденное в каталоге художницы название наложилось на патристические чувства казанца и само собой спровоцировало желание скорее посмотреть на это издание. Поиск в гугле не дал результатов, пришлось идти в Национальную библиотеку Республики Татарстан, но и там оказалось пусто. Следующий шаг — Российская государственная детская библиотека и запросы дружелюбным коллекционером, но и они ничем помочь не смогли. Найти раскраску привычным способом не получилось, и обычно это означает одно — тупик стандартного поиска архивного издания.

«Я живу в Казани» нашлась в семье художницы, с парой раскрашенных 60 лет назад страниц. На радостях от находки мы моментально репринтно переиздали её в «Смене», сохранив те самые раскрашенные когда-то развороты. Но вопросы всё равно остались: что это за такая странная штука — книга-альбом-раскраска второй половины XX века? Где сегодня искать этот потерянный пласт визуальной и интеллектуальной отечественной культуры того времени? Если центральные архивы не сохраняли раскраску, то кто и зачем вообще будет держать годами книгу, которую можно раскрасить за пять минут и отправить в урну? Да и вообще — почему раскраска сохраняется, если

сохраниться, по идее, не должна? И главное — почему бы не собрать единственную в стране или мире коллекцию того, что никто не собирает?

И вот букинисты, книжные развалы, аукционы, и без того часто выполняющие функцию факультета дополнительного образования, в случае с раскраской стали единственным источником получения информации и поиска этих самых случайно сохранившихся частичек тиражей. Формирующаяся, с одной стороны, более-менее осознанно, с другой, как всегда, абсолютно случайно коллекция стала чем-то, что казанско-петербургский искусствовед Пётр Корнилов довольно вездеречиво и пафосно в своих воспоминаниях описал принципом: «собираательство не как собственническое обладание вещами искусства, а как путь к его близкому познанию и служению им обществу».

Оттепельная раскраска — часть большого уникального феномена отечественной книжной графики второй половины XX века. После почти двух десятилетий своеобразной графической зажатости, чёрно-белой тоновой полосой иллюстрации 1940-х — начала 1950-х годов, в 1960-е детская книга вновь обретает многообразие. Она становится пространством для экспериментов со зрительно-пластической выразительностью книги: цветом, драматургией разворотов, постраничным ритмом и полиграфическим воплощением.

Как и детская книга, раскраска являлась частью советской детской образовательной модели. Раскрашиванию всегда предшествовало некое интеллектуальное действие: прочитай, узнай, дорисуй, отгадай. Раскраска сначала затягивала ребёнка на неочевидные территории знаний: рассказывала про птиц и растения, моря и далёкие регионы, индийские праздники и полёты в космос — в общем, про гигантский мир, который его окружает. И только потом предлагала себя раскрасить.

У каждой раскраски, помимо автора, есть и художник. Его имя почти всегда указано в колофоне книги. Многие из них сегодня музейные звёзды, их работы висят в главных выставочных залах страны. Во многом они в те самые 60-е годы вдохновились выставками Пикассо и Матисса и увлеклись линейной графикой, которая в чём-то совпадает с нашей раскраской. Но у раскраски есть ещё один соавтор — неизвестный автору и художнику человек, «читатель-рисовальщик», он дорисовывает произведение. Раскрашивающий — в каком-то смысле равный соавтор этого тиражного издания, он делает издание своим и уникальным. Раскраске, как произведению искусства, место не в урне, а на полке рядом с любимыми книгами, которые останутся в памяти на всю жизнь. Раскрашивание — способ фантазирования и решения художественных задач, которые стоят перед любым взрослым художником. Раскрасить, в конце кон-

цов, можно минуя имеющиеся контуры, одним или двумя цветами, или заменив цвета, или раскрасить текстами — в общем, тысячи вариантов, как сделать этот процесс увлекательнее.

Размышлений о том, что такое раскраска, о различных её более или менее очевидных или спекулятивных измерениях, много. Какие-то из них выразились на выставке «Узнай и раскрась!», в рамках которой мы представили часть коллекции в Казани и Перми. Что-то на выставке осталось за скобками и, даст бог, ещё произнесётся тем или иным способом. Во всяком случае, азарт собирать их и разбираться с ними пока не угас.

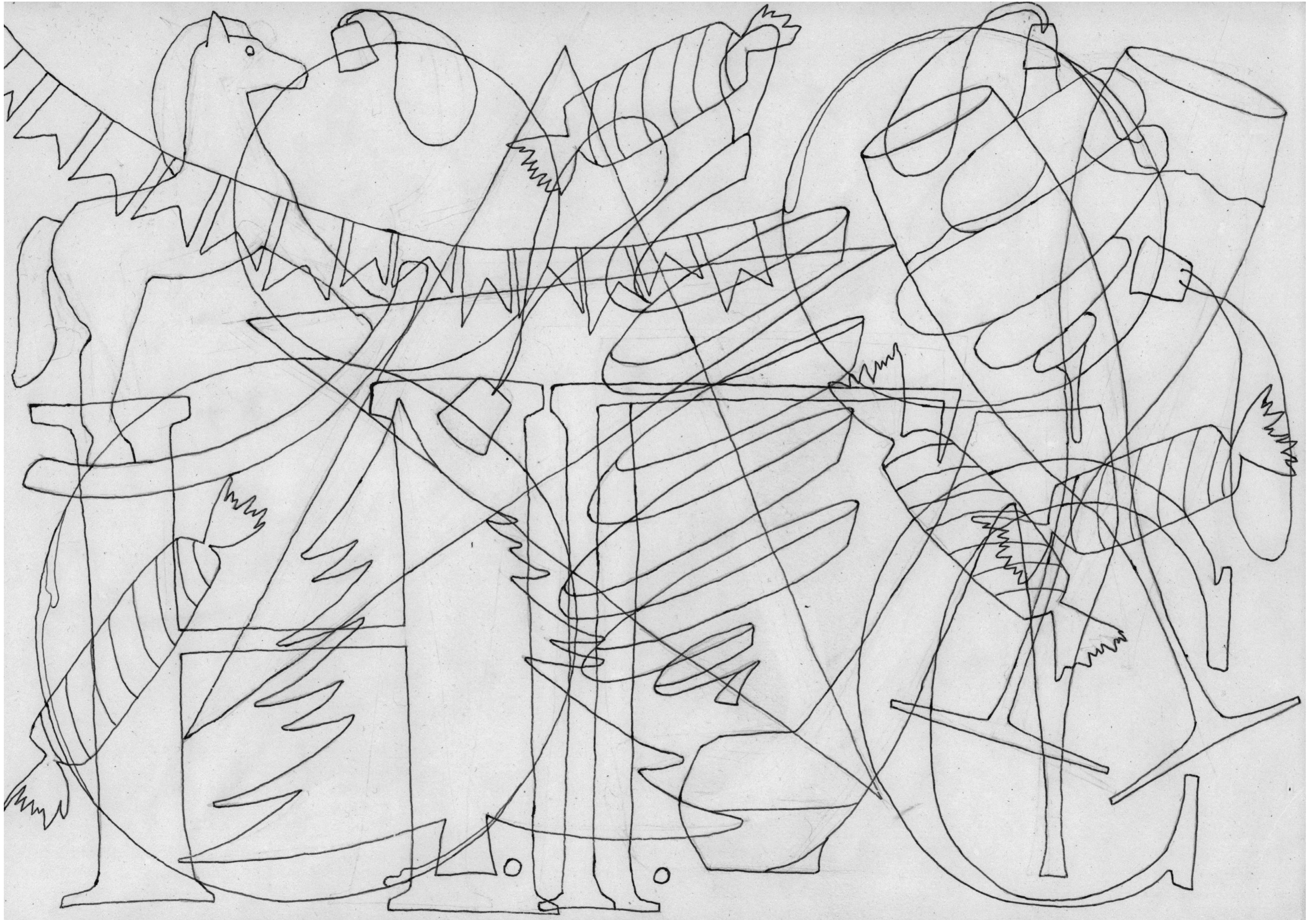
В своей книге «Обложка. Графическое лицо эпохи революционного натиска» Владимир Григорьевич Кричевский закончил предисловие словами: «Давайте заглянем в глаза российской графической действительности. Вряд ли что-нибудь подобное такое же самобытное, скромное по средствам, суровое, эксцентричное, странное, неизменно свежее, когда-нибудь повторится». Ни дать, ни взять — а можно просто скопировать слова ВГ в отношении оттепельных раскрасок. Но и, конечно, от себя добавить: «Повторилось, Владимир Григорьевич, и хочется верить, что потенциал русской графической инновации ещё способен когда-нибудь что-то такое повторить».

А. Лельевр, «Для чего обезьяне хвост?», художник А. Келейников, издательство «Малыш», 1970

М. Зоценко, «В гостях у клоуна», художник Б. Десницкий, издательство «Малыш», 1957

ВЕРХНЯЯ БИБИБА

«Перерыв» решил пожертвовать жанровой чистотой рубрики «Садовое товарищество» и перенести фокус внимания на город, а точнее, на городок художников Верхняя Масловка. Тем более что Масловку называют и посёлком, и даже деревней художников, а осенью там наконец-то открылся свой музей.

ВАСИЛИЙ СЕЛИВАНОВ
СКУЛЬПТОР

Гениальная точка сосредоточения выдающихся советских художников той эпохи. Так или иначе, большинство крупнейших мастеров: живописцы, реставраторы, скульпторы, графики — все работали именно вот в этом большом районе, который и называется Масловка.

Но изначально надо было где-то художникам найти своё прибежище в Москве. Возник дом, сначала с мастерскими, где работали Татлин, масса других художников. Но в этот же момент решили на Петровско-Разумовской аллее, которая тоже является формально частью Масловки, выделить землю под строительство кооперативного дома. И в том числе там кооперативные квартиры себе приобрели Грабарь, Дейнека, Герасимов и другие. И вот мой дедушка двоюродный (Николай Иустинович Лапшин) купил себе там место, но не потянул, ему предложили в другом месте мастерскую и квартиру, переселили. И только потом они поменялись квартирой с Дейнекой. Туда заехал уже мой отец. А в 69-м и я родился.

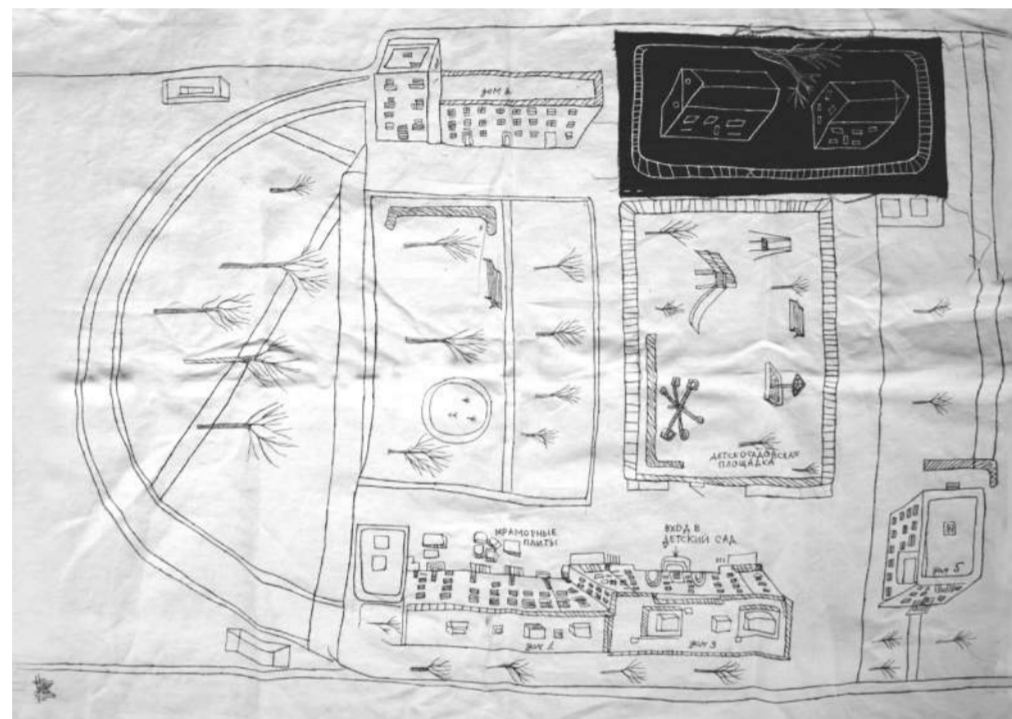
И на мой взгляд, строительство этих домов важнейшей вехой стало. Потому что действительно через Масловку, через эту кашу, многие художники, о которыхто, сложились обстоятельства по-другому, и слыхом не слыхивали бы, так вот, они, благодаря Георгию Нисскому, благодаря Пластову или Грабарю, или, допустим, Герасимову и Иогансону, все очень сильно двинулись, получили заслуженное своё распространение и известность.

Такая культурная среда, атмосфера общения уникальна по сути. И всё, что там творилось, было очень важно для движения советского искусства.

Я уверен, что некоторые рассматривают Масловку сугубо с точки зрения там какого-то формирования нонконформизма. На самом деле это не так, вернее, не совсем так. Именно классические советские художники (Решетников, Таёжный, ещё молодой тогда Гелий Коржев, Кибрик, Пластов, Пименов, Грабарь, Дейнека) непосредственно влияли на формирование этой художественной среды. Которая была субстанцией равновесной, нельзя выделить лидера. Это всё развивалось очень органично.

А для детей, внуков это как большая деревня. У нас был один детский сад, из которого сейчас получился небольшой такой музей. В этот детский сад привозили детей не только масловских. У нас там был и Дима Чуковский, внук Корнея Ивановича, и Крижановский, потомок революционера... Была очень-очень большая, разнородная, дружная коммунальная семья.

Легендарный городок художников на Верхней Масловке начинает свою историю в 1925 году, когда появилась идея его создания, в то время как первый корпус (Верхняя Масловка, 9) был построен в 1930-м, а последний (Верхняя Масловка, 3) — в 1954-м. Помимо них, в комплекс входят дом № 1 на той же Верхней Масловке и дом № 2 на Петровско-Разумовской аллее. Традиционно для того времени художники и скульпторы здесь могли жить и работать: в домах были квартиры и мастерские, а в девятом доме была столовая, библиотека, прачечная, фотолaborатория и даже физкультурная площадка и солярий на крыше. В третьем доме находился детский сад, на территории которого сейчас и открылся музей. На аллее же стояла московская поликлиника, в конце 90-х переориентированная на коммерческую деятельность, а на её месте ранее был деревянный дом с коммунальными квартирами, где тоже жили художники. В 60-е ещё был построен типовой дом под номером пять, также приписанный к МОСХу. Примечательно, что городок художников пополнялся официальными и неофициальными соседями в близлежащих домах.

«Двор на Верхней Масловке», Мария Арендт, льняное полотно, вышивка, 2014

Звёздный список обитателей мог бы занять одну страницу, назовём лишь несколько: Владимир Фаворский, Игорь Грабарь, Владимир Татлин, Эрнст Неизвестный, Нина Нисс-Гольдман, Сергей Герасимов, Георгий Нисский и так далее. Сюда Борису Пророкову из Парижа звонила Лиля Брик. Сюда к Андрею Плотнову приходил позировать Юрий Гагарин. Здесь, прямо во дворе, в 1995 году был устроен концерт группы «Корабль» — любимого музыкального коллектива московских (и не только) художников. Да что там говорить, даже паутинка на детской площадке на чётной стороне Масловки была в нулевых нанесена на атлас газеты «Большой город» как важнейшая точка сбора художников, носящая гордое название «Молекула».

Важно то, что Верхняя Масловка живёт уже даже не во второй, а в третьей, если не в четвёртой степени: потомки, внуки тех самых суперновых, продолжают рисовать и составлять ядро московского художественного процесса. Вот они-то и рассказывают о своей жизни на Масловке.

Важно то, что Верхняя Масловка живёт уже даже не во второй, а в третьей, если не в четвёртой степени: потомки, внуки тех самых суперновых, продолжают рисовать и составлять ядро московского художественного процесса. Вот они-то и рассказывают о своей жизни на Масловке.

И это не только детей касалось. Утром, допустим, Соломин, Герасимов, Шмарин, папа мой гуляют с собаками. А вечером все те же самые люди встречаются в Центральном доме художника или в Манеже на открытии выставки. А откуда уже садятся, — тогда машин было не так много, — забиваются, значит, друг к другу в машины и едут всё это дело праздновать на Масловку, конечно!

И несмотря на то что течения в изобразительном искусстве были разные, в целом все на одной творческой параллели существовали. Как взрослые, так и дети, все абсолютно.

Была большая редкость, чтобы там кого-то гнобили или, наоборот, возвышали незаслуженно. Нет, всё было очень демократично.

Конечно, не без критики. Но и Леонардо, например, называл статуи Микеланджело «мешками с картошкой», поскольку считал, что тот слишком одинаково повторяет все мышцы. Это нормально. Нужно знать именно эту сторону искусства, среду. Читать книжки. А откуда мне было брать их в юном возрасте? У отца их если не было, я шёл к Ване Коржеву, внуку Гелия Коржева, брал, допустим, «Жизнеописание...» Вазари; шёл к Таёжному и брал переписку Дюрера с Рафаэлем; за трактатом о живописи Леонардо да Винчи отправлялся в библиотеку Пророковых.

НИКОЛАЙ ПРОРОКОВ
художник, музыкант, основатель группы «КОРАБЛЬ»

Дед — легендарный художник-график; отец — Пётр Пророков — художник кино; мама, тоже художник, всю жизнь на «Союзмультфильме» — начала у Иванова-Вано, между прочим, после много с кем работала, с тем же Хитруком, например, с Назаровым. Но я, если честно, мало интересовался мультфильмами, что её, кажется, огорчало. Бабушка — искусствовед. Так что, можно сказать, была устойчивая династическая традиция, согласно которой уже в 12 лет меня и отправили заниматься сначала в художественную школу на Красноперекопной, потом в «1905 года». Кончилось всё закономерно поступлением в Строгановку, на промышленную графику. Причём это уже было полностью моё решение — хотел рисовать логотипы: Igon Maiden, Kreator, AC/DC много слушал. Всё это было естественно как для родителей, так и для меня, поскольку других интересов, кроме рок-музыки и рисования, я не показывал.

Деда я, к сожалению, не помню, он умер, когда мне был год. Но всё то время, что учился и после, он, скажем так, незримо витал. Присутствовал как непререкаемый авторитет, в том числе и моральный, конечно. Причём не только для меня, вообще в семье дед был, что называется, фигурой религиозного мас-

Сергей Каневский, Николай Пророков, Василий Селиванов и Катя Анфилова, примерно 1993 — 1994 гг.

штаба, абсолютной искренности и скромности.

Он ведь из первого поколения строителей коммунизма, настоящих романтиков — пионеров нового мира. Прадед трудился в типографии, его жена, моя прабабка, преподавала музыку (откуда, наверное, и развились мои завихрения, которые вылились в группу «Самосвал», а после уже и в группу «Корабль» — так я сам для себя решил). Шесть лет деду исполнилось, когда началась революция, а когда кончилась Гражданская, было уже двенадцать.

Учился во ВХУТЕИИ, участвовал в творческих объединениях; когда началась война, работал в Окнах ТАСС, потом как художник Главного политуправления Военно-морского флота ездил на фронт, дрался на Малой земле, был контужен. После войны продолжал заниматься своим делом. Две Сталинские премии, после уже, в 60-х — Ленинская... И всё это на абсолютной честности, на священном отношении к подвигу, неважно какому — военному или трудовому. И отец был воспитан им так же, да и мне, наверное, немного передалось. Идея самоотверженного труда — так, наверное? Подвига, причём подвига ежедневного, преодоления себя ради общей идеи, не для личного — для людей. У отца недавно была выставка в Абрамцево, и вот там он как раз тоже говорил, что главное — это люди, то, что они увидят, почувствуют твой труд, вложенные силы.

НАТАЛИЯ АРЕНДТ
художник, скульптор

Кого ни встретишь на Масловке, всегда знаешь не только этого человека, но и на одно поколение назад и вперёд. О переконках Масловки даже страшно начинать, всё равно всех не упомянешь. Но вот возникает облик Василия Алексеевича Ватагина. Он бредёт через двор из мастерской к себе домой. Он маленький, бесплотный, похож на Николу Чудотворца. В мастерской его — джунгли. Великолепно вырубленные из дерева дикие звери в натуральную величину и красоту.

А вот Исидор Григорьевич Фрих-Хар со своей старшей супругой, красавицей Марусей Холодной (бывшей женой Татлины). Рассказывали, что в молодости он был очень вспыльчив и дра-

жачлив, а Маруся величаво охраняла его.

Как-то раз мой дедушка Толя (Анатолий Иванович Григорьев) шёл по масловскому двору и услышал громкое рычание дикого зверя, доносившееся из открытой двери мастерской Фрих-Хара. Когда Толя с некоторой опаской заглянул туда, то увидел такую картину: Исидор Григорьевич лепил фигуру тигра и так увлёкся, что сам рычал, как тигр.

В 60-е годы Фрих-Хару удалось попасть во Францию с группой товарищей, и он был приятно удивлён тем, что французы очень приветливо к нему относятся и даже признают его как художника. Многие подходили к нему и просили автографы, которые он с удовольствием раздавал. Позже выяснилось, что его принимали за Пикассо... Действительно, сходство было большое.

Но не зря он был так похож на Пикассо. Талант Фрих-Хара признан по заслугам, работы стоят в постоянной экспозиции Третьяковки.

А вот Саша Морозов. Подолгу засиживался у нас, болтая с моей бабушкой Ариадной Арендт о каких-то, казалось бы, повседневных пустяках, по дороге в свою мастерскую (Верхняя Масловка, 1) из своего дома № 8. Хотя на самом деле они набирались друг от друга творческой энергии перед тем, как «нырнуть» в работу. Саша был из крестьян Ивановской губернии. Говорил певуче на «о». Был мощным живописцем, а ещё талантливым актёром. Кажется, Саша всегда немного наигрывал, утрируя свою деревенскость. У него дома в коммуналке жили ручные птицы: ворона, курица, сова. Ворона говорила своё имя: «Вар-р-ря». Курица подпевала ему под балабайку: «Эх, Самара... ко-ко-ко», — точно попадая в тон. И ходила за ним по пятам, как собачка. А сова свободно летала по дому, где штабелями были сложены шедевры, и щедро их окропляла. Ещё из светлых образов — Нина Ильинична Нисс-Гольдман. Она была старшей наших старцев и даже вела у них во Вхутемасе дисциплину, которая называлась «объём» (название предмета введено ею же). Она училась у Родена и в 1910-е годы в Париже дружила с Модильяни, Пикассо и Майолем. Нина Ильинична дожила в полном здравии и уме до 97 лет и пережи-

ла свою дочь, которая успела умереть от старости. После 90 лет Нина Ильинична бросила скульптуру, так как ей было тяжело физически, и перешла на живопись. Она вытирала кисти о свою юбку, которая со временем колористически не уступала самим картинам.

ПЁТР КАНЕВСКИЙ
художник, дизайнер

Дед — известный советский художник, про него много написано. Сейчас разбираю архивы — он очень усердно работал. В «Мурзилке», «Крокодиле», «Пионере», в «Весёлых картинках», множество замечательных книжек оформил... Бабушка преподавала в консерватории, писала учебники по пению для детей. Я их, к сожалению, не застал, только помню деда чуть-чуть, как он меня держит. Всего год мне было.

Отец тоже всю жизнь работал. Рисовал в журналы, книги детские иллюстрировал. Живопись фантастическая у него. Замечательные стихи сочинял. Ни свет ни заря уходил в мастерскую каждый день и работал. Карикатуристы его, из секции графики, встали на ноги, развивались во многом благодаря ему. Многогранный человек, добрый, эрудированный; все, кто застал его, любят, вспоминают до сих пор. Всё, что знаю, ради чего выжил, — всё дал мне отец, научил, какие грибы собирать, как рыбу ловить. Как держать карандаш. Он был художник, и я художник. Только про художника нельзя говорить был. Он есть. И будет. И брат мой старший, Серёжа, он очень многому меня научил, я это только после его смерти начал понимать.

Верхняя Масловка, на которой мы выросли, не позволяла быть хуже, чем ты есть. Городок художников — наше родное гнездо. Тут такие мастодонты водились — зубры, орлы! Мудрые, большие, они с любовью на нас поглядывали, на птенчиков своих. И подводить их не хотелось. Приходилось всё же оглядываться.

ВАСИЛИЙ СЕЛИВАНОВ

В конце 1980—1990-х на помойке Масловки можно было найти картины и принадлежности Решетникова, Таёжного, Ромадина, Иогансона и других мастеров. Новые жильцы получали мастерские и выбрасывали «старьё»: краски, холсты, мольберты. У меня дома — два мольберта с Масловки и палитра Пименова; тогда можно было просто прийти и забрать только что выброшенные вещи.

НАТАЛИЯ АРЕНДТ

Масловка... Она необъятна. Это несколько домов художников, объединённых в городок. Там жило великое множество великих и великодушных художников (чуть ли не половина экспозиции Новой Третьяковки — с Масловки).

Масловские дома ждут академического исследования, я же хочу упомянуть масловскую помойку. Помойка — историческое место. Туда попадало множество сокровищ. После смер-

ти кого-нибудь из обитателей Масловки мастерская сразу же передавалась следующему претенденту. Если не было наследников, всё, что при жизни художника не было пристроено в музей, нередко выбрасывалось на помойку, а потом уже оттуда разбирались; кому нужны просто холсты с подрамниками, чтобы писать, а кому понравилась какая-то картина, и вот она начинает жить второй жизнью у кого-нибудь в кладовке. Погибло немало шедевров, но кое-что и сохранилось. Говорят, даже часть наследия Татлины туда попала, но потом была благополучно спасена.

Между помойкой и мастерскими лежали плиты из мрамора, гранита для рубки скульптур. В щелях между камнями мы устранивали кладки из цветных стёклышек и пёрышек и могилки птенцов, выпавших из гнезда.

В моём детстве во дворе всегда паслось много детей. Приезжала булочница с большой телегой с разными шаркаемыми кренделями. И сама вроде кренделя — с кокошником из бело-красных кружев на перманентной причёске. Приезжала из деревни молочница Маруся с двумя огромными бидонами, в ватнике, румяная до невозможности, навсквозь пропитанная запахом молока. Бабушки сидели на лавочках и приедались за внуками, копошась в песке. Да только бабушки не простые, а особенные... вполглаза следят за детшками, а сами только и мечтают небось добраться до своих мастерских и там что-нибудь слепить, написать, нарисовать. Незабываемые красавицы-старухи.

Обложка кассеты группы «Самосвал», автор Василий Селиванов

ПЁТР КАНЕВСКИЙ

Мы — это Коля Пророков, Илья Вознесенский, Вася Селиванов, Серёжа Андриевич, мой брат Серёжа, другие ребята — подростками играли во дворе, среди камней, в которых жили ещё не созданные скульптуры, помойка у нас очень живописная была. Самый заводила всегда был Вася. Он придумал, например, игру селиванбол. Мы выходили в арку, брали мяч и били по нему — кто добьёт до потолка! И кричали: «Наливай!» Такой клич был бодрящий. Там до последнего ремонта ещё оставались следы от мяча, а теперь их уже, конечно, нет. А вечером мама кричала из окна: «Петя, Серёжа, домой!» Всем детям их мамы мол так крикнуть в окно, и мы, пусть с неохотой, но шли.

Позже была группа «Самосвал»

Продолжение на с. 14

Начало на с. 13

у ребят и концерт прямо во дворе, на Масловке. Кинули провода из окна, приехали к нам друзья — человек сорок, и вот. Нигде в Москве такого не было, а у нас было.

Потом пришли 90-е. Было движение, постоянная жизнь — концерты, выставки, рейвы. Мы не были закрытыми: из Питера «Два самолёта» приезжали, «Ря/Ба Мутанть» из Ижевска, из Тувы тоже ребята. Товарищи мои, гениальные персонажи — многие теперь известные скульпторы, художники, музыканты, архитекторы, экологи. Многих не стало. Но все очень крутые. Масловка для нас символ жизни, свободы, а мы её живое выражение.

НИКОЛАЙ ПРОРОКОВ

Мы дружили с пацанами, с Селивановым, с моим соседом Ильёй Вознесенским, ходили вместе гулять, тусовались, и потом пришла идея. Значит, надо группу! Так она и появилась — группа «Самосвал» великая.

И там был я, были Вася, Илья и Дима Оганесов. Мы все из одного двора. Из одного детского сада. У меня, у Васи и у Димы были одни музыкальные интересы. То есть так, чтоб пожёлстче. Но не «Битлз», да. «Битлз» я слушал с Серёгой Андриевичем.

ДЕНИС КРЮКОВ
ПИСАТЕЛЬ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «ПЕРЕРЫВ»

Я не масловский, но поскольку родственники мои были в основном тоже художниками, то папа с мамой поочерёдно возили меня на 42-м троллейбусе из Марьиной Рощи в детский сад на Верхнюю Масловку. Там меня обогатили странным выражением. Стоило кому-то сказать «спасибо», как мгновенно кто-то из детсадовцев громко парировал: «Чёрная бибиба!» Ну и дальше отпрыски великих художников, видимо, проявляя таким образом свои колористические склонности, начинали кричать: «Зелёная бибиба!», «Красная бибиба», «Жёлтая бибиба!» и далее по списку. Выражение это я притащил домой, и у нас до сих пор в быту нет-нет да и промелькнёт эта чудная бибиба. Много позже я решил, что бибиба — это такой масловский эйдос.

Детский сад я в силу возрастной асоциальности не любил, но зато навсегда полюбил, как я понял потом, район Динамо, а 42-й троллейбус стал моим любимым, если по отношению к троллейбусам вообще можно проявлять такое чувство.

И вот уже тридцатилетним в 2005 году волею судеб я вновь вернулся на Верхнюю Масловку: я снял квартиру в доме № 7 (тоже, кстати, по протекции художников, а хозяйка, как выяснилось, конечно же, ходила в тот же детский сад). На Масловке я никого не знал, но уже слышал, что там обитают какие-то отпадные ребята. Корооче, мне надо было как-то со всеми подружиться. Ну и нашлись общие знакомые — дело пошло. Процесс ослож-

Юрий Арендт (крайний слева) знакомит студентов МГУ с В. А. Ватагиным и с Масловкой, 1950-е

Я вообще много слушал чего на своём магнитофоне в комнате у себя. Конфликтов не было по этому поводу. Мама иногда интересовалась, что это у меня такое играет. Однажды услышала группу Kreator. «О, — говорит, — а что это у тебя такое вагнеровское?»

Я думаю, родители сначала рассматривали всё это, группу «Самосвал», когда мы шумели дома у кого-нибудь в комнате, как какое-то неизбежное зло, этап взросления. Мол, вот сейчас переберется, а там... Но мне уже тогда было понятно, что музыка для меня го-

раздо интереснее, чем всё остальное.

Дед, кстати, даже оперетт не выносил: считал фарсом. Так что какой уж там джаз! А сам был очень музыкален, как я потом узнал. Он с братьями и сёстрами музицировал в Иванове, но, конечно, строго классику. И родители тоже: к биг-биту, джазу, рок-н-роллу относились как к раздражающей поспе. Отец вообще не особенно даже и вникал, что это там за музыка такая. Другое дело — Рахманинов, Бетховен. Но к моим увлечениям относился демократично.

Над нами жил Василий Чуйков, под нами — Гелий Коржев с семьёй. Это сейчас такое, конечно! А тогда — ну просто Коржев, да, ругался на нас, когда мы на лестнице с Ильёй под гитару что-то пели, «Самосвал» репетировали. У меня даже запись есть, подкараулил и записал его в какой-то момент — мы были нигилисты, конечно, — и даже где-то использовал. И теперь там голос Гелия Коржева, и он спрашивает: «У вас совесть есть, есть у вас совесть?..»

ПЁТР КАНЕВСКИЙ

На Петровско-Разумовской аллее стояли тополя. Мы детьми — а компания у нас была что надо — часто забиралась на одно старое дерево и сидели на его ветке, простиравшейся прямо над дорогой. Под нами шагали пешеходы, ехали троллейбусы, машины, а мы играли в индейцев или города или просто дружили, болтали ногами там. Это восьмидесятые года двадцатого века. Теперь на месте малого стадиона, что был по другую сторону аллеи, растут небоскрёбы, а тополь, будучи ещё живым, видимо из-за вибраций от стройки, рухнул. Был быстро распилен, выкорчеван, и как будто никогда на этом месте его и не было.

Записал Александр Кудрявцев

Дни рождения с Еленой Киселёвой

Сценарист Елена Киселёва из длинного списка литературных юбиляров января и февраля выбрала тех, кто ей близок, и коротко объяснила почему.

3 ЯНВАРЯ — ДЖОН РОНАЛЬД РУЭЛ ТОЛКИН

Его книги о Средиземье — последний грандиозный миф и первое грандиозное фэнтези. А ещё он был глубоко верующим христианином. И это почему-то утешает.

14 ЯНВАРЯ — ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Великий русский поэт, убитый в сталинских лагерях. Это очень страшно.

16 ЯНВАРЯ — СЬЮЗЕН ЗОНТАГ

Все мы выросли из Сьюзен Зонтаг. А потом вросли в неё обратно. И что с этим делать — совершенно непонятно.

17 ЯНВАРЯ — ЭНН БРОНТЕ

Младшая из трёх знаменитых сестёр Бронте. Умерла рано и погребена в тени своих знаменитых сестёр. Кажется, старшая — Шарлотта, написавшая «Джейн Эйр», — после смерти Энн не допускала переиздания её романа. Надо думать, у неё были на это причины, и, надеюсь, не только боязнь скандала и писательская ревность. Но как по мне (пока Шарлотта и Эмили не слышат), «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» ничуть не хуже «Джейн Эйр» и «Грозного перевала». А может быть, и лучше.

18 ЯНВАРЯ — АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН

Тут я на стороне китайских товарищей. То есть запрещать диснеевского «Винни-Пуха» я бы не стала, запреты вообще не моё. Но гневаться я могу. Где нежность?! Где загадка?! Где ирония?! Где печаль?! Только в книжке. Короче, читайте «Винни-Пуха» и ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК! (И не говорите, что русский «Винни-Пух» — это тоже подделка и его написал Заходер. Я сравнивала. Настроение сохранено.)

22 ЯНВАРЯ — ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Кажется, Байрон как персонаж-поэт больше, чем Байрон как стихотворец-поэт. Переплывал Босфор, сражался где-то вдали от родины за правое дело, куча любовниц, язвительный и мрачный, развратный, никем не понятий. Красавец ещё. В общем, байронический тип. А стихи... Ну да, стихи. Хотя, может, просто нужно было лучше английский учить.

22 ЯНВАРЯ — АРКАДИЙ ГАЙДАР

Мы в детстве Гайдара не любили. Поэтому что, во-первых, песня «Гайдар шагает впереди» на конкурсах строя и песни. А во-вторых, Гайдар в пятнадцать лет полком командовал. И звучало это примерно как «бабушка в твоём возрасте гусей пасла, а ты...». Полком командовать не хотелось. Шагать впереди не хотелось. Идти на конкурс строя и песни не хотелось совсем. В школе, широко раскрыв глаза, оглядываясь, не слышит ли кто, тихо говорили друг другу: «Гайдар в пятнадцать лет людей расстреливал. Не

любили, в общем, мы Гайдара. Но читали. Видимо, чувствовали, что хорошо написано. Вот дети, пусть даже пионеры. Но они прям как настоящие. Нормальные такие дети. Не Томом же Сойером одним жив человек, надо же человеку ещё что-то почитать. А потом я прочитала у Паустовского в «Повести о жизни», какой хороший человек был Гайдар. Паустовскому я тогда доверяла. А ещё потом где-то, что Гайдар просыпался от кошмаров и говорил: «Мне снились люди, убитые мною в детстве». К тому времени собственные пятнадцать лет были далеко позади, и мысль о том, что кто-то в этом возрасте полком командовал и людей расстреливал, и жил с этим дальше всю жизнь, вызвала не только ужас, но и жалость. А совсем потом я перечитала Гайдара. «Военная тайна», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика»... Искрящийся на легнем солнце оптимизм. Развешенный детский милитаризм. А под всем этим — как трясина под цветущим лужком — вязкий тягучий ужас времени.

27 ЯНВАРЯ — ПАВЕЛ БАЖОВ

Переложил (или стилизовал? или пересочинил?) уральские сказы так, что оказалось интересно, загадочно, страшно, красиво. Всеум бы русскому фольклору таких пересказчиков.

7 ФЕВРАЛЯ — ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС.

Великий английский писатель-реалист. За исключением финалов. Всё у него прямо почти как в жизни — ужасно. А потом вдруг (не всегда, но как правило) — удивительно, неправдоподобно и нереалистично счастливый конец. Люблю его за это, наверное хороший был человек.

8 ФЕВРАЛЯ — ЖЮЛЬ ВЕРН

Автор приключенческих, фантастических и познавательных романов. Надо бы его переперевести. А то в детстве оторваться не могла, а сейчас попробовала «Дети капитана Гранта» из синего собрания сочинений — читать невозможно. Посмотрела, кто переведил, — А. Бекетова. Неловко получается. Это мама Блока. Так что я, умнее мамы Блока, выходит? Нет, конечно.

ВСЯ СИЛА НАЧИНАНИЙ РОДОВЫХ

135 лет назад 14 января в Варшаве родился поэт Осип Мандельштам. Современный поэт Даниил Родионов отмечает эту дату миниатюрой, утверждающей повсеместность своего коллеги по цеху.

Куда ни кинешь тревожный взор — кругом один Мандельштам. Тринадцать лет назад мы с товарищами как начали выпивать у иваногорской головы Мандельштама, так по сей день не остановились, хоть и товарищей тех уже нет в памяти, да и я уже так не пью. А то ещё, бывает, влюбиться в женщину из Воронежа, приедешь к ней в этот самый Воронеж крутить истерики — и ходишь по городу, и бормочешь, как заведенный: «Воронеж — блажь, Воронеж — Воронеж — нож, Воронеж — ёж». А из Воронежа — во Владивосток, на одну только ночь, вполглазочка глянуть последний приют поэта. То есть, честно говоря, не для этого я там оказался, но кому какое дело, будем считать, что для этого. И в квартире Шкловских на Чистопрудном наведывался по другому поводу, но это вообще секрет, что я там был, так что будем считать, что не был. Представим только лифт в этом самом подъезде, и лифт медленно-медленно едет по этажам, и Мандельштам со своей Надюшей сидят и нервически прислушиваются к его шуму, а Виктор Шкловский, наверно, качает ногой, что ещё ему остаётся делать.

Кругом один Мандельштам. Выходишь на улицу — а там в желудёвых шапках смешной народец, идёшь в поликлинику — бабочка-мусульманка сидит на крыльчке в разрезанном саване, давайте скорее её лечить! слушать, как мороз-

Потому что мы братья

1 февраля исполнится 105 лет с момента возникновения «Серрапионовых братьев». Об этом литературном объединении написано много и хорошо, мы же отметим его юбилей малоизвестным воспоминанием Елизаветы Полонской о практически тайном собрании «братьев» в Переделкине.

«В январе 1957 года я оказалась в Переделкине, где мне предстояло прожить двадцать шесть дней в Доме творчества. Я побывала в гостях у Каверина, который жил на соседней улице. Он позвал меня к Всеволоду на 1 февраля:

— Давай встретим годовщину „Серрапионов“, как когда-то. Позовём Федина и Зою (Зоя Никитина была одной из наших „серапионовских девиц“). Так мы и сделали.

Трудно сбежать от любопытных соседей по Дому творчества, всякий новизны спросить: „Куда это вы после ужина, на ночь глядя?“

И вот я решила сбежать потихоньку, встретиться с Каверинным на улице у фонаря, а оттуда пойти к Ивановым.

Каверин и его жена, Лидия Николаевна Тынянова, уже ждали меня. Через полчаса мы сидели за большим столом в жилище Всеволода Иванова.

Большая светлая столовая, полки с книгами, диван, кресла, картины и рисунки на стенах, очень светло, уютно, — видно, что всё устроено умелой женской рукой. Каверин познакомил меня с хозяйкой дома, женой Всеволода, Тамарой Владимировной. Сам Всеволод ещё занят, у него в кабинете приезжие молодые писатели, но он скоро освободится. За столом пьют чай, идёт разговор о выставке картин Дрезденской галереи, которую показывают в Москве. Приходит старший сын Всеволода, художник Михаил Иванов, домашние. Лидия Николаевна рассказывает мне, что младший сын, Кома, в Москве. Он филолог и кибернетик.

Приходит Всеволод. Поседел, уже видно, что немолод, а улыбнётся — и лицо просияет застенчивой улыбкой, как у того сибирского партизана, который, по совету Горького, пришёл к нам тридцать пять лет тому назад в Петрограде.

Почти сейчас же ввел за ним является Федин с дочерью Ниной и бывшей „серапионовской девицей“ Зоей Никитиной. Рукопожатия, обмен впечатлениями, — все, к сожалению, уже не молодцы, но всё ещё полны сил.

Тем временем Тамара Владимировна незаметно сервировала стол — вино, закуски. Пьём за „Серрапионов“, за погибших и пропавших без вести друзей, за тех, кто в Ленинграде.

Как бывало на „Серрапионовых“ встречах, кто-то должен читать недавно написанное. Каверин читает написанные им воспоминания о последней своей встрече с Александром Фадеевым.

Просят меня прочитать стихи, и я читаю только что написанные стихи о возвращении в Ленинград после войны. Потом мы говорим о войне, вспоминаем, где кто был, кто что сделал. Все мы хотим написать ещё многое, у каждого из нас в собственном плане новая книга, которая пишется или ещё только задумана, а материала для неё — без конца.

Тост сменяется тостом. Пьём и за „серапионовских девиц“, из которых многие стали жёнами писателей, верными их подругами. Пьём за хозяйку дома. Я прощаюсь с Всеволодом так, словно ещё встречу с ним через неделю на серапионовском собрании. И мне кажется, что он такой же, как тридцать пять лет тому назад, только волосы седые. А глаза такие же колечие, отчаянные и дерзкие».

1964

Цит. по: Полонская Е. Г. Как и тридцать пять лет назад... // Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников / [Сост. Т. В. Иванова]. 2-е изд., доп. Москва : Сов. писатель, 1975. С. 100—101.

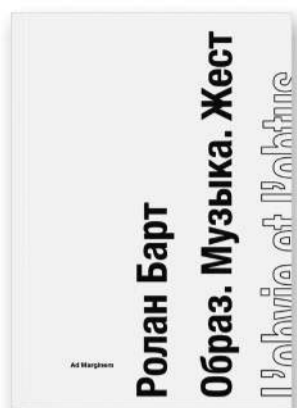
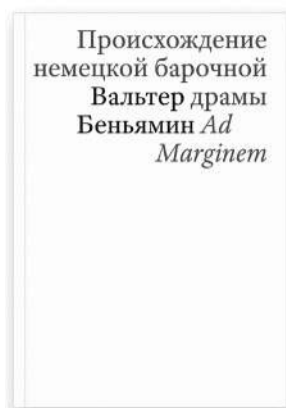

О. Э. Мандельштам. [1919]. © ФГБУК «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля». Без инв. №. № в Госкаталоге: 52310916. Печ. по перснимку, сохранившемуся в фонде Л. И. Скорино в Архиве литературной жизни XX века Дома творчества Переделкино

ное дыхание колыхается щегловито. Ящерицы темной глазок наблюдать в зените. Подружкой-ласточкой плавниками рдеть. Узел жизни, в котором мы узнаны, в полынный венек сплетать.

Происхождение переделкинской классической комедии

Четверг, вечер. В книжный заходит девушка, внимательно обходит магазин, останавливается у стеллажа с философией, долго выбирает. Наконец привлекает находку — «Происхождение немецкой барочной драмы» Вальтера Беньямина (Ad Marginem Press, 2025). Подходит к кассе, книготорговец бросает что-то, мол, Вальтер Беньямин, замечательный, то есть выбор — и тем порождает сбой. «Вальтер, — переспрашивает незнакомка, — но не Вальтер ли?» «Но не Вольтер, — отвечает книготорговец, — но не Вольтер». Печалится незнакомка, и драма её барочна, и смотрит на книгу чужим уже взглядом. «Я тогда уж не буду брать, — говорит, — извините». И мы извиняем, конечно, и ждём вас за Фёдором Одоевским и Карлом Маркесом. Но если быть точными до барочности: разобраться в театре и драме вам помогут и прочие наши книги, будь то «Образ. Музыка. Жест» Ролана Барта (Ad Marginem Press, 2024) или «Краткая история театра» Филлис Хартнолл (оно же, 2021).

* Постоянная рубрика книжного «Дом писателя».

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Геннадий Киселёв
переводчик

Что имеют в виду итальянцы, когда говорят «шотландский душ» или «прикидываться португальцем»? Воспринимают ли они свой язык как «великий и могучий»? Каким эпитетом они наградили салат оливье и американские горки? А русская душа — такая ли она загадочная на итальянский вкус? В ходу ли на Апеннинских горах понятия, как интеллигент или стахановец? Поддаётся ли переосмыслению и перевыражению на итальянском такая крылатая фраза, как «Волга впадает в Каспийское море»? Как в языковом средиземноморье итальянского могут одновременно впасть река Арно, омывающая набережные Флоренции, и река Березина, вообще-то правый приток Днепра, но и место памятного сражения 1812 года? Почему, в представлении итальянцев, увидев Неаполь, можно и умереть, а Париж стоит мессы? Как всё же переименовать по-итальянски таких русских молодых людей, как Егор-наперекор, Иванушка-дурачок или Емеля-дурак? И можно ли донести до итальянского сознания фразу-матрицу Л. В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка»?

Ответить на эти и сотни других вопросов призван «Новый фразеологический словарь итальянского и русского языков». Работа над ним, начатая с моим учителем и соавтором А. Б. Канестри в конце прошлого века, слава

богу, подходит к концу. Пара десятилетий — обычный срок для словарного дела такого размаха: свыше 25 000 идиом, речевых клише, крылатых слов и выражений, имеющих различные источники (библейские, греко-римские, исторические, литературные), пословицы и поговорки, а также заимствования из древних языков, латыни и греческого, и основных европейских языков. Особенностью словаря является его цитатный аппарат: каждая фразеологическая единица проиллюстрирована примерами её употребления с переводом на русский язык. Переводная часть словаря представляет собой самостоятельную ценность и практическое подспорье для понимания смыслового и образного взаимодействия двух языков. Такой словарь можно рассматривать не только как справочник, но и как словарную хрестоматию, книгу для чтения.

Ирина Юркова
журналист, продюсер, резидент Дома творчества Переделкино, Волгоград

В ноябре в Переделкине я начала работать над проектом «Царицынские призраки: архивы и легенды». Мне пока сложно определить жанр того, что получается, так как это своего рода фьюжен: я собираю в пары эссе и художественные рассказы с фантастическим допущением и рассказываю о периоде, когда мой родной Волгоград назывался Царицыном и стремительно развивался на стыке культур, тор-

Веселые старики

В архиве литературной жизни XX века Дома творчества «Переделкино» хранится фонд Людмилы Ивановны Скорино (1909–1999), литературоведа и редактора журнала «Знамя». В ее дневниках есть любопытный отрывок, иронично подсвечивающий извечную проблему отцов и детей.

21 ФЕВРАЛЯ 1969 Г.

Я была в Переделкино во второй половине декабря 1968 и в первой половине января 1969 года. Удрала от юбилея, во-первых; во-вторых, у меня мог пропасть отпуск за 1967 год.

Наблюдала смешные сцены. В Переделкино всегда много прелестных стариков. Профессор Бонди — 80 лет, Мариэтта Шагинян — бурно-пламенная, за 82 года и более... Рядовые пожилые старики и старухи, лет 70 и 72-х, а слегка и выше. Все они, удрав от своих семейств (которые на них верхом ездят), весело гнездились в тихих кельях Переделкино, что-то писали, исследовали, обдумывали и вообще наслаждались жизнью. И вдруг я заметила, что они как-то погрустнели, сникли, и затем... стали мне жаловаться.

А произошло вот что: к ним унылой вереницей поехали, пошли, потянулись какие-то племянники и племянницы, дочери с мужьями или с женихами, сыновья с жёнами... Все отмы-

тые, розовые, прилично одетые, интеллигентные и однообразные, унылые до ужаса.

Старики принимали этих 22–25-летних и 30-летних галантно, вежливо и терпеливо, но затем взвыли от скуки и стали от них отбиваться. Вот что я наблюдала сама своими глазами и что свидетельствую перед людьми и Богом: веселые, деятельные старики и унылые молодые.

Ходит анекдот:

К машинистке пришёл пожилой мужчина и попросил её перепечатать «Войну и мир» Л. Толстого. — Зачем это Вам? Ведь это большая будет рукопись, дорого будет стоить! Есть же книга, наконец.

Но тот настаивал на своём. — Понимаете, — наконец сказал он, — мне хочется, чтобы мой сын прочёл хотя бы «Войну и мир» Толстого. Молодёжь теперь читает только литературу, напечатанную на пишущей машинке.

говых путей и революций. Источником для осмысления жизни города в разных его измерениях (Волга, железные дороги, библиотеки, телефонная связь и так далее) служат материалы «Царицынского вестника» — живые свидетельства городских будней (мне это по-журналистски очень близко). Например, я размышляю о значении появления телефонной связи в дореволюционном городе сквозь призму своего «сейчаснего» опыта в условиях, когда сеть в городе почти не ловится, и пишу рассказ о том, как парень из современного Волгограда случайно дозванивается в паромную контору «Кавказ и Меркурий» в 1910 году и попадает на работающую там девушку. Хочется показать город Царицын как живой организм, красивый и ценный для сохранения исторической памяти.

Олег Бочарников
главный редактор talweg, ведущий редактор Individuum, резидент Дома творчества Переделкино, Санкт-Петербург

Запускаю камерное издательство, в котором будут выходить книги о природе, путешествиях и внимательном движении сквозь мир и время — забытая и неперевердённая классика, эссе и философские трактаты. Задумал его три года назад во время редакторской школы в Переделкине. Первой книгой станет «Естественная история Селборна», в которой английский священник и натуралист XVIII века Гилберт Уайт описывает флору, фауну и повседневную жизнь своей деревни Селборн. Она впервые выходит на русском языке — спустя более двух веков после первого издания.

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков
Арт-директор: Юлия Дикевич
Над номером работали:
Наталья Бакшаева, Мария Ветрова, Екатерина Гуляева, Сергей Гуськов, Елена Киселёва, Маша Константиныди, Александр Кудрявцев, Анастасия Лебедева, Кирилл Маевский, Анна Папченко, Даниил Родионов, Матвей Соловьёв, Дмитрий Цыганов, Саша Шардак
Корректорское бюро «Ёлки-палки»
Отпечатано в ООО "КРАСНОГОРСКАЯ ТИПОГРАФИЯ". Заказ № 3081-25. Тираж 2000 экз.
Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение Внуковское, ул. Погодина, 4,
Дом творчества Переделкино
info@pro-peredelkino.org
+ 7 (916) 260-94-88

События и новости
Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube